

МИР ОТРАЖЕНИЙ ВО ЛЬДУ

Александр Урсу

18+

Александр Урсу

Мир отражений во льду

<https://litres.ru/74142259>

SelfPub; 2026

Аннотация

Чукотка, осень 1940 года. Суровая тундра, ледяной ветер и смертельная опасность. Геолог Рахмет Даутов, чья экспедиция разбита стихией, находится на грани жизни и смерти. Его, почти замерзшего, находят и спасают в своей яранге чукчи — семья старейшины Амкава.

Пока тело молодого инженера оттаивает у костра, его душа проходит куда более глубокое преобразование. Старый Амкав рассказывает гостю древние предания о Великой Тьме — Кэле, о Мире Лосихи, куда уходят души предков, и о том, что значит быть настоящим человеком — луораветлан.

Александр Урсу

Мир отражений во льду

Глава 1. Тепло домашнего очага

Снаружи выл хиус — ледяной ветер, пришедший с Великого Мыса. Он швырял в кожаные стены яранги пригоршни замёрзшей крупы, царапался, словно голодный пещерный медведь, но прорваться внутрь не мог. Толстые шкуры моржей и оленей, сшитые жильными нитями, надёжно держали границу между живым теплом и суровой тундрой.

В самом центре яранги, на очаге из плоских речных камней, трещал костёр. Жители тундры берегли дрова, поэтому в огонь шла карликовая ива и сухой олений помёт — он давал густой, тяжёлый жар. Над огнём, на железном крюке, висел закопчённый котёл. Вода в нём давно закипела, и теперь бульон тихо булькал, источая густой, одуряющий запах варева. В кипятке танцевали, набухая и размягчаясь, куски тюленьего жира, оленьего мяса и дикого лука, запасённого с лета.

Внуки — десятилетний Лянча и его маленькая сестра Тына — сидели на расстеленных медвежьих шкурах, поджав под себя ноги. На них были надеты тяжёлые кухлянки — двойные меховые рубахи из пыжика, подпоясанные плетёными ремешками. Маленькая Тына то и дело дергала носом: от костра и котла божественно пахло едой. Туда, на самое

дно, мать только что бросила несколько мозговых костей — самое ценное лакомство, которое сейчас отдавало бульону весь свой сладкий сок.

Мать детей, вытирая пот со лба рукавом, суежилась у чана с талой водой. Её лицо, украшенное тонкими линиями древнего татуажа на щеках — тремя полосами, оберегающими от слепоты, — казалось бронзовым в отсветах пламени. На груди у неё покачивался костяной амулет: маленькая лопаточка, вырезанная из оленьего рога в форме безликой человеческой фигурки, испещрённая крошечным геометрическим орнаментом.

— Мама, скоро? — Лянча не выдержал и поскрёб пальцем по меху на штанине. — Живот поёт песню голодного волка.

— Огонь не любит спешки, Лянча, — мягко сказала она. — Огонь делает мясо мягким, а мужчину — терпеливым. Ждите. Скоро и мясо в котле дойдёт, и отец вернётся с охоты.

У противоположной стены яранги, прислонившись спиной к деревянному шесту каркаса, сидел дед Амкав. Ему было около шестидесяти пяти лет: волосы подёрнуты сивой сединой, вокруг глаз залегли глубокие морщины, похожие на трещины в вечной мерзлоте. Дед неторопливо работал костяным шилом, чиня старые снеговые очки из моржового клыка.

Лянча переглянулся с сестрой, подполз поближе к деду и тронул его за край мехового рукава.

— Дедушка Амкав... пока мясо варится, расскажи нам

историю.

Дед отложил шило. Его карие, повидавшие многое глаза отразили языки пламени. Он посмотрел на костёр, затем на тёмный свод яранги, за которым бесновался буран, и тихо вздохнул.

— Какую историю вам рассказать? — хитро прищурился дед, хотя прекрасно знал, о чём просили внуки.

— Ну, ту самую, — хором прозвучал ответ.

— Ту самую? — улыбаясь, переспросил Амкав.

— Да, да, да! — с восторгом закричали дети.

Старик замолк, собираясь с мыслями. Отблески пламени пробежали по его смуглому лбу. Он поднял руку, призывая внуков к вниманию, и заговорил низким, вибрирующим голосом, каким обычно говорят о вещах, лежащих за гранью обычной памяти:

— Что ж... Слушайте.

Глава 2. Нежданная добыча

Дед Амкав только открыл рот, как полог яранги резко откинулся.

Внутри ворвался клуб морозного пара — такой плотный, что на миг показалось, будто в ярангу зашло само облако. Из этого облака шагнул отец — Атка-Эттли, широкоплечий, в плотной кухлянке, покрытой инеем. Следом за ним, тяжело дыша и пряча лица от хиуса, ввалились ещё двое мужчин из племени.

— Помогите, — коротко бросил Атка-Эттли.

И тогда Лянча увидел. Вместе с каюрами отец бережно волок на себе человека, чьи ноги совсем не держали землю. На незнакомце была обледеневшая брезентовая штормовка — жёсткая, чужая, совсем не защищавшая от полярного урагана так, как добрый мех. Лицо мужчины было очень бледным, почти белым, как вываренная кость, и сильно прихвачено морозом: на щеках проступали бледно-сизые пятна. Из-под рваной шапки выбились пряди рыжих, намертво слипшихся от инея волос.

— Ой, совсем как лисица, — удивлённо сказала Тына. Она никогда не видела людей с таким цветом волос.

Затем внесли ещё одного человека. Это был низенький, коренастый, со смуглым скуластым лицом и узкими глазами молодой человек на вид не более двадцати пяти лет. На нём была надета кухлянка.

— Что случилось? — встревоженно спросил дед Амкав.

— Случайно нашли их в тундре неподалёку, в низовьях реки Ичувеем, — сказал Атка-Эттли.

— Еле живой, — выдохнул Атка-Эттли, перехватывая парня поудобнее.

Мать бросилась помогать. Все дружно перетащили незнакомцев на медвежью шкуру — туда, где теплее, ближе к огню, но не слишком близко: обмороженное тело нельзя греть резко.

— Принесите снег, — скомандовала она. — Жир. Сухие

тряпки.

Лянча побежал за снегом, а Тына подала жир. Мать бережно растирала побелевшие пальцы незнакомца, тонкими слоями нанося жир поверх отогреваемых мест.

Дед Амкав, поморщившись, встал. Он вообще редко теперь вставал без особой необходимости — травма, полученная пару зим назад на охоте, не позволяла ему уже ходить далеко. Что поделаешь: мудрость не даётся даром.

Опираясь на отполированную руками трость, он подошёл и посмотрел на незнакомцев. Потом перевёл взгляд на внуков, которые замерли, раскрыв рты.

— Это геологи, — сказал дед Амкав, и в словах этих слышались жалость и грусть. Казалось, он посмотрел на парня как на глупого птенца, который только что выпал из гнезда.

— Нужна *зорэ-мулгын* (оленья кровь), им предстоит серьёзная битва с духами Кэле, — сказала хранительница очага.

Атка-Эттли с товарищами вышел из яранги и в скором времени принёс всё необходимое. Мужчины встали вокруг парня, и хозяйка попыталась влить ему в рот эту густую, ещё тёплую клейкую жидкость. Парень в какой-то момент немного пришёл в себя, сделал несколько глотков и, как сквозь туман, стал различать стоящих вокруг людей с длинными шестью в руках и с чатами через плечо. А дальше он опять потерял сознание и погрузился в глубокий сон. Первый же мужчина, несмотря на то, что казался более крепким и мо-

гучим, был совсем плох и признаков жизни практически не подавал.

Дед Амкав взял в руки бубен, сел, закрыл глаза и, раскачиваясь всем телом, начал петь. Из его груди вырвался глубокий, утробный хрип — старик запел родовую песню-оберег. Это не были слова: это было грозное, звериное рычание на выдохе, сменяющееся резким, свистящим вдохом, призванное напугать Кэле и заявить, что у этой яранги есть хозяин.

«Хэй-хэй, т-т-то...» — рокотал старик, вбивая звуки прямо в грудь замерзающего, буквально вытягивая его душу обратно из ледяного небытия.

Накатывающий ритм бубна заполнил всю ярангу. А парню казалось, что он отдаляется всё дальше и дальше, и звуки затихали.

Глава 3. Великие Холода и Время Тьмы

Через двое суток «лисица» погиб, а молодой человек пришёл в сознание. Первое, что он услышал, — это слова деда Амкава, который рассказывал своим внукам очередную сказку. Голос старика доносился будто издалека, но постепенно становился всё явственнее, как и тепло костра.

— Это было давным-давно. Даже старики стариков не помнят, когда это было. Это было на самом краю времени.

В те дни, говорят, Солнце не всходило над землёй. Не день, не два, а много зим подряд. Небо было чёрным, как внутренность закрытого гроба.

Тьма была не просто снаружи. Она заползала в яранги. Она гасила жирники. Она вползала в души людей. Люди сидели в своих жилищах, прижавшись друг к другу, и слушали, как снаружи ходит что-то огромное. Это был не ветер — ветер пел бы или выл. А это существо молчало. Оно просто ходило вокруг, и каждый шаг его был как удар сердца земли. *Бум... Бум... Бум...*

Тына прижалась к брату. Лянча обнял её за плечи, но сам слушал, раскрыв рот.

Старики говорили: это Кэле — Великий Дух Мороза и Тьмы — вышел из своей пещеры на краю мира и теперь бродит по земле, ища, кого бы пожрать. Он был так огромен, что звёзды прилипали к его шубе и гасли. От его дыхания море покрывалось льдом до самого дна. От его взгляда олени падали замертво, не успев сделать шага.

— А как же люди? — спросила Тына.

— Холод был такой, что слова замерзали в воздухе. Люди перестали говорить. Не потому, что не хотели, — они не могли. Только откроешь рот, скажешь слово — а оно тут же превращается в льдинку и со звоном падает на землю. Говорят, в те времена вся тундра была усыпана такими ледяными словами. Словами страха. Словами молитв. Словами прощания.

— Еды не было, — продолжал дед. — Олени ушли на юг, к границе тайги, где деревья прячут ягель от глухого льда. Моржи и нерпы уплыли туда, где море не сковано сплошным

панцирем, а полыньи замерзли. Люди варили и грызли подошвы торбасов, резали ремни упряжи. Жевали вываренную кожу со старых нарт. Земляной мох люди не едят — от него только пухнет живот, — поэтому варили внутренности убитых песцов и грызли кости. Слабые засыпали первыми в холодных ярангах. Сильные ещё держались, но их глаза тускнели.

Шаманы без усталости били в бубны, согревая их над каплями жира, чтобы кожа не лопалась от стужи. Их души улетали в Верхний мир, пробивая небо сквозь Унпэнгэр — Приколотую звезду. Там, у Творца, они умоляли вернуть оленей и открыть продухи для нерп.

— Мир замерз так же, как и наши гости? — спросила Тына.

— Да, мир замерз так же, как наши гости, и казалось, что уже нет спасения и все погибнут.

— А наш гость погибнет? — с тревогой спросила Тына.

Дед Амкав замолчал, но вдруг неожиданно заговорил молодой человек:

— Я начинаю оттаивать, и мне кажется, благодаря вам я буду жить.

Дети переглянулись. Тына взвизгнула от восторга и удивления, а Лянча наклонился к матери:

— Мама, он говорит по-нашему? Он нас понимает? — шёпотом спросила Тына, во все глаза разглядывая незнакомца.

Парень вздрогнул, медленно повернул голову к девочке и слабо, одними уголками губ, улыбнулся. Голос был хриплым, тихим, но говорил он очень старательно:

— Понимаю... Немного понимаю. — Он сделал паузу, собираясь с силами. — Извините, не представился. Меня зовут Даутов Рахмет, я геолог, начальник экспедиции.

Дед Амкав уважительно наклонил голову:

— Однако, здравствуй, Даутов Рахмет. Я — Амкав. Принёс тебя к нам мой сын Атка-Эттли, это его жена Нутэнэут. А это внуки — Лянча и любопытная Тына.

Парень немного смутился от такого внимания и тихо добавил:

— Можете меня называть просто Рахмет.

— Откуда ты знаешь наш язык, просто Рахмет? — тут же спросила Тына, подползая ближе к меховому пологу.

— Я учился далеко на юге, в Алма-Ате, на горного инженера... — Рахмет сделал паузу, собираясь с силами. — Но когда приехал работать на Северо-Восток, в Дальстрой, каюры сразу сказали: без чукотского слова в тундре пропадёшь. Вот и учу потихоньку.

При слове «Дальстрой» дед Амкав одобрительно крякнул и кивнул, раскуривая трубку:

— Правильные каюры тебе попались, Рахмет. Хорошие слова тебе дали.

— Извините... — Рахмет обвёл взглядом полумрак яранги, не находя товарища, и в его глазах мелькнула острая тре-

вога. — Как там мой товарищ? Жив ли он?

— Ты посмотри на него! — усмехнулся дед Амкав, оборачиваясь к Тыне. — Сам чуть к предкам не ушёл, еле дышит, а сразу про товарища спрашивает.

Старик одобрительно хмыкнул и снова перевёл взгляд на растерянного геолога. Голос его стал тише и мягче:

— Хороший ты человек, правильный... Твой товарищ... Его душа улетела в Верхний мир и не вернулась. Он просто крепко заснул и покинул нас.

Глаза молодого человека заблестели, он замолчал. Повисла пауза, а затем он сказал:

— Спасибо, что спасали нас. Приютили совершенно незнакомых, чужих людей...

Тына весело рассмеялась его словам и сказала:

— А как могло быть иначе?

Нутэнэут заулыбалась, и даже растерянный, ослабевший Рахмет впервые тепло улыбнулся в ответ.

— Извините, я прервал ваш рассказ, — смущаясь, проговорил гость, стараясь сгладить неловкий момент.

— Да, дедушка, расскажи нашему оттаивающему гостю, как оттаивал мир! — с восторгом произнесла Тына.

— Итак, мир замёрз так же, как наш гость, и казалось, что уже нет спасения и все погибнут. Но нашёлся один старик. Самый старый из стариков, которого звали Эмнун — что значит «Тот, кто помнит начало». И он сказал так: «Кэле победит не тот, кто сильнее его. Сильнее Кэле никого нет.

Кэле победит тот, кто отдаст ему самое дорогое, но делает это добровольно, без страха, с открытыми глазами. Потому что Кэле питается страхом. Если страха нет — ему нечего есть».

И тогда все поняли, что надо делать. Но никто не решался сказать это вслух. Потому что самое дорогое для человека — это его жизнь.

Дед Амкав замолк, приложил к губам трубку, затянулся и выдохнул. Дым окутывал его лицо, как завеса времени.

— Старый Эмнун сам вышел из яранги навстречу Кэле. Вышел, распахнул кухлянку на груди и сказал: «Я не боюсь тебя. Бери меня, если хочешь. Но оставь тепло тем, кто остался». Затем вышла молодая мать с младенцем, за ней — молодой охотник, который ещё не успел убить своего первого кита. И каждый был готов отдать свою жизнь ради спасения близких.

Видя, что люди самоотверженно вышли во тьму без страха, ради спасения других, Кэле остановился. Он увидел пылающие сердца людей. И тогда Кэле — Великий Дух Тьмы — сделал шаг назад. Потом ещё один. Он начал уменьшаться. Он сжимался, сжимался, пока не превратился в маленький ледяной шарик, который закатился в трещину во льду.

И в тот же миг — говорят старики — на востоке появилась тонкая полоска света. Солнце, которое пряталось так долго, выглянуло одним глазом — и заплакало от радости. Его слёзы упали на землю и стали первыми ручьями. Тьма отступи-

ла. Холод начал уходить. Мир начал оттаивать.

Но не всё оттаяло. Говорят, что до сих пор на дальнем севере, в самых глубоких пещерах под вечной мерзлотой, спят маленькие семена той Тьмы. И если люди забудут, кто они, если потеряют мужество и готовность отдать себя ради других, эти семена проснутся. И Кэле вернётся.

Дед Амкав замолк и опять приложил трубку к губам.

— Интересная сказка, — произнёс Рахмет.

Дед Амкав пронзительно посмотрел на гостя, его лицо стало очень серьёзным.

— История про Великие Холода и Время Тьмы. Это не сказка, юноша. Это память. Самая старая память нашего народа.

Повисло напряжение, которое прервал гость:

— Извините меня, я не знал.

Лицо деда Амкава смягчилось, а хозяйка Нутэнэут вдруг сказала:

— Гость совсем слаб, ему надо сейчас поесть и набираться сил.

Глава 4. Боевое крещение

После сытного бульона за ночь молодой человек немного окреп, а уже утром охотно принялся за еду и начал беседу с дедом Амкавом.

— Дедушка Амкав, — осторожно спросил Рахмет, вслушиваясь в треск жирника. — Но откуда в ваших краях миф

о Лосихе? Ведь здесь, на Ичувееме, лоси не водятся, только олени.

Старик медленно выпустил струю едкого дыма из трубки и пронзительно посмотрел на геолога:

— Это сейчас их здесь нет, парень. Наши старики помнят времена, когда мир был молодым, а лёд стоял стеной до самого неба. Тогда тундра была тайгой, и наши предки кочевали вместе с предками тех людей, что живут сейчас на южных реках. Мы были одним очагом, дышали одним дымом. В те времена Великая Лосиха была матерью всего живого. Она рождала из своего лона и первых людей, и первых оленей. Мой прадед говорил, что олень — это просто ребёнок Лосихи, который ушёл жить в холодные земли и сбросил тяжёлые лопаты с рогов. Память об этом осталась в наших самых старых песнях...

— Удивительно, — искренне сказал Рахмет, и в его глазах блеснул огонёк далёкого воспоминания. — Мой народ живёт очень далеко отсюда, в жарких степях Казахстана. Там нет вечного льда, но моя бабушка в детстве рассказывала мне похожую сказку. Она говорила, что Полярная звезда — это Темир казык, Железный кол, вбитый в небо. И вокруг него на привязи ходят небесные кони, а за ними вечно гонятся волки. А ещё у нас верят в Марал-ана — Великую Небесную Олениху, которая спасла наших предков от гибели и голода. Нам строго-настрого запрещали вредить оленям.

Дед Амжав молча выслушал инженера. Его изрезанное

морщинами лицо тронула едва заметная, мудрая улыбка. Он одобрительно хмыкнул, постучав трубкой о край костяного жирника:

— Земля огромная, парень, а небо у нас над головой одно. Значит, твои предки тоже когда-то грелись у нашего общего костра, пока великие льды не разделили нас. Твой род ушёл на юг за солнцем, а наш остался стеречь этот край земли. Но память, как видишь, пахнет одинаково — хоть в степи, хоть в тундре.

Старик замолчал, всматриваясь в огонь, словно видел сквозь него те самые тысячи лет, что развели их народы по разным углам материка.

Наступила тишина, которую прерывали лишь потрескивание костра и шум работы хозяйки очага Нутэнэут и её маленькой помощницы Тыны. За ночь ветер утих, и рано утром отец с сыном ушли на охоту.

— Однако... ты лучше расскажи про себя, что случилось? — спросил Амкав.

— Как я уже говорил, меня зовут Даутов Рахмет Махмутович. Родился и жил я далеко на юге, в Казахстане, где в славном городе Алма-Ата закончил горно-металлургический институт. — Рахмет на секунду замолчал, подбирая понятные для старика слова. — Стал инженером. Моё дело — искать в земле полезные камни и металлы, которые очень нужны нашей стране. Так я и попал сюда, на Чукотку, в организацию под названием Дальстрой.

— Дальстрой... Однако, знаем, знаем, — уважительно по-кивал Амкав.

— На самом деле, с детства я мечтал побывать на Севере. Это трудно объяснить, но моё сердце всегда тянулось к этим краям. А стать геологом — это был мой шанс.

— Однако, — многозначительно сказал дед Амкав.

— Это был мой первый полевой сезон на Чукотке. Мы проводили поисковые работы в бассейне реки Ичувеем. По глупости я разбил свой базовый лагерь в пойме небольшой речушки. В весеннее половодье речушка внезапно превратилась в могучий горный поток.

— Однако, — покачивая головой, сказал дед Амкав.

— Наводнение застало нас врасплох, ночью. В течение часа люди мужественно вели неравную борьбу со стихией, бредя по грудь в бурлящей ледяной воде, спасали продукты и снаряжение. Вода быстро прибывала. Спасательные работы вести дальше было просто невозможно и опасно. Нужно было без промедления перебираться к подножию гор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.